ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

УДК 323(560) *ГСНТИ 11.15.11*
ББК 66.3(5Туц) *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-6-6-14

А.С. Исаков
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 774869

АННОТАЦИЯ:
Цель. Проанализировать актуальное состояние политической модернизации в современной Турции и ее влияние на основные политические институты.
Методы. Для достижения цели автор использует сочетание политологических методов, как системный и институциональный, также обращаясь к описанию функционального значения политических институтов, особенно – политических партий и партийной системы. Описывается история вопроса, раскрывающая проектный характер политической модернизации. Анализируются основные качественные изменения, произошедшие в политической системе, а также изменения конституционных основ государственного управления.
Результаты. В ходе работы делается ряд промежуточных выводов. Прежде всего, об изменении идеологических основ существования современной Турции и планомерного «мягкого» отказа от кемалистского наследия. Текущее руководство республики представлено Партией справедливости и развития, артикулирующей повестку умеренного исламизма, и ориентированное на отказ от построения светского государства, используя религию как элемент легитимации режима и укрепления внешнеполитического влияния. Основой для их идеологии служит переосмысление исторического опыта Османской империи. Также подчеркивается значение сопутствующих изменений формы правления и функциональной роли основных акторов политической системы. В особенности, изменения роли и политического статуса военных. В стране состоялось два конституционных референдума, которые стали возможны как часть политики европеизации страны, но в итоге имели иные последствия для политической системы.
Научная новизна заключается в системном рассмотрении вопроса с упором на анализ изменяющейся функциональной роли основных политических акторов и институтов. В работе дан прогноз будущих векторов политической модернизации, основанной на синкретции подходов западных и отечественных аналитиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
Турция, политическая модернизация, Эрдоган, Давутоглу, неоосманизм.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:
Александр Сергеевич Исаков, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, as.isacov@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Исаков А.С. Политическая модернизация в современной Турции: институциональное измерение // Вопросы управления. 2019. №6 (61). С. 6–14.

© А. С. Исаков, 2019

Современная политическая наука все чаще обращается к изучению стран Исламского мира. Внимание обусловлено как повышением мировой значимости региона, так и высоким конфликтогенным потенциалом, оказывающим влияние на развитие человечества в целом. Одной из точек внимания является Турция – государство активно продвигает свои интересы на мировой арене, претерпевает ряд качественных политических изменений, является значимым партнером по диалогу для Российской Федерации.

Это делает актуальным изучение исторического опыта данной страны, а также попытки прогнозирования вектора политического развития, изучения ее политическиой системы и политических институтов. Основным противоречием и объектом прогнозов остается вектор трансформации политического ислама, границы и характер исламизации публичных сфер жизни, а также роль Партии справедливости и развития и ее лидера Реджепа Тайипа Эрдогана во внутриполитическом диалоге.

Основа современной институциональной архитектуры политического пространства Турции была заложена после Первой мировой войны Мустафой Кемалем. Его идейным наследием стало превращение космополитной Османской империи в национальное турецкое государство европейского типа. И именно проевропейский вектор, во многом, определял развитие страны на протяжении всего XX и в начале XXI века.

Данный вектор предполагал планомерную инкорпорацию европейских ценностей и практик управления в жизнь турецкого общества. Это включало в себя как совершенствование внутренних демократических процедур, так и ориентацию на полноценное вступление в ряды европейского сообщества путем членства в Европейском Союзе. Также акцент делался на активное политическое участие в региональных форматах, как Совет Европы, НАТО и ОБСЕ.

Подобный путь был апробирован в различных политиях мусульманской ойкумены, и исследователями выделяется как отдельная универсальная модель институциональной эволюции политической системы и политического развития в целом. Как правило, она характеризуется как вестернизация [1] или отмечает ее идеологические проевропейские истоки [2], соответственно которым выстраивается курс практической политики.

Параллельно с процессами планомерной евроинтеграции в стране сохранялся высокий риск рецидива исламского радикализма. Нивелированный и исключенный из повестки государства религиозный дискурс оказывал, тем не менее, серьезное влияние на жизнь общества. С одной стороны, Ататюрк, де-факто, осуществил не секуляризацию, а «национализацию» ислама, сделав культовые учреждения государственными, а исламское духовенство – государственными служащими. Даже правовая формула используемого в стране ханафитского мазхаба, предполагающая процесс легитимации общественных изменений с помощью воли большинства, стала проводником демократии.

С другой стороны, традиционные религиозные ценности продолжали играть значимую роль в повседневной жизни общества. При этом, возрастающие амбиции Турецкого государства, вкупе с различными проблемами социально-экономического развития, провоцировали рост религиозного радикализма, а также увеличивали популярность происламских политических сил среди населения. Нивелировать данные настроения была призвана армия, чьи охранительные функции заключались в способности отстранить от власти любые политические силы, которые бы отходили от светских республиканских идеалов страны. Данный функционал был реализован в виде военных переворотов в 1960, 1971 и 1980 годах, угрозы военного вмешательства в 1997 и попытке переворота в 2016 году.

Армия пыталась противодействовать как внутренней исламизации, так и внешнему влиянию левых сил из Пакистана и стран арабской ойкумены. Военными была предпринята попытка сращивания республиканских традиций и мусульманских ценностей в виде синкретической идеологии, основанной на трех столпах: «семье», «мечети» и «казарме» [3, 37]. Но изначально сильные политические позиции военных были сломлены процессами евроинтеграции. Именно со стороны руководства ЕС к Турции предъявлялись требования по изменению законодательства, ограничившие возможность военных влиять на политические процессы. Результатом этого стало постепенное отстранение армии от процесса

принятия политических решений. «ПСР, опираясь на общественные настроения, в частности, на сохранявшееся стремление вступить в ЕС, под лозунгами демократизации политической жизни страны провело ряд реформ, которых от Турции давно требовал Евросоюз. По новым законам армия утратила конституционные инструменты воздействия на политическую жизнь и право вмешиваться в ход внутриполитической борьбы» [4].

Именинно под лозунгом унификации законодательства с требованиями ЕС был проведен конституционный референдум 2010 года. Одобренные 58 % избирателями поправки касались минимизации участия армии в политической жизни страны. В частности, отменялась юридическая неприкосновенность военных, была нивелирована роль военных трибуналов. Это бы своего рода конституционный переворот, не столько изменяющий юридическую основу функционирования государства, сколько переосмысливающий институциональные принципы его функционирования.

Данные изменения породили академическую дискуссию о начале создания «Новой Турции» [5] или полноценной «Турецкой модели» [1] политической модернизации, которая является не только способом воспроизводства политической элиты современного турецкого государства, но и может быть универсализирована и предложена в качестве трансцендентного образа для иных стран. Следовательно, является самостоятельным объектом политологического анализа и не подчиняется основным трендам развития мусульманского мира в целом.

Затягивающийся процесс непосредственного вступления в Европейский Союз на правах полноправного члена постепенно способствовал снижению симпатий к организации среди населения. Это усугубилось и процессами так называемой «европеизации», или «ЕСизации», которые негативно воспринимались турецким обществом как угроза традиционным ценностям. В связи с этим был инициирован процесс поиска новых идей и концепций, потенциальным источником которых могли стать собственный исторический опыт и социально-политическая доктрина ислама.

Совокупность данных тенденций привела к постепенному закреплению у политической власти умеренно-исламистской Партии справедливости и развития. Изначально ориентированная на европейский вектор, партия бросила вызов устоявшемуся политическому консенсусу, идеалам кемализма и столпам современного турецкого государства: республиканизму, национализму, этатизму, народности, секулярности и революционности.

Таким образом, в Турции все больше стали артикулироваться идеи евроскептицизма в угоду внутренним аутентичным концепциям, ориентированным на экономический рост и укрепление внешнеполитического влияния государства. «Возросшие амбиции регионального лидерства и уверенность в собственных экономических силах привели к тому, что прежнее обаяние и привлекательность ЕС ощутимо ослабли как в общественном мнении, так и среди политической элиты» [6].

Точкой исламистского экстремума становятся события так называемой «Арабской весны». Для утверждения своего влияния в мусульманской умме и с целью занять вакантные после революции в Египте лидерские позиции политика турецкого государства масштабно переориентируется на данный регион. Совершаемые поездки Реджепа Тайипа Эрдогана в охваченные волнениями страны сделали его невероятно популярной фигурой не только среди внутренних исламистов, но и на «арабской улице».

Таким образом, повышение использования религиозных идей в публичном пространстве самой Турции способствовало реализации ее внешних интересов. Закономерным итогом данной тенденции стало возникновение в рамках исламской политической мысли концепций, предполагавших различные варианты исламизации государства. Несмотря на прямое противоречие с кемалистским наследием, страна постепенно переориентировалась с турецкого национализма в русло исламского космополитизма. Его основой выступает переосмысление отброшенного Мустафой Кемалем исторического опыта Османской империи.

Формируемый новый курс политического развития получает неофициальное название «неоосманизм». Данная концепция предполагает включение сопредельных стран на бывших территориях государства Османов в лимитроф Турецкой республики. «Неоосманизм представляет собой неофи-

циальную внешнеполитическую доктрину Турции по расширению сферы влияния на сопредельные территории посредством «мягкой силы», за счет экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа» [7].

По мнению турецких политологов: «турецкие лидеры в поисках новой формы консервативной модернизации попытались создать синтез государства нации с универсальными ценностями, и сохранением традиционных и консервативных ценностей турецко-исламской культуры» [8]. Отмечается, что османское наследие используется в качестве элемента мягкой силы [9].

Сам концепт «неоосманизм», в основном, используется внешними экспертами для характеристики турецких амбиций и направления политического развития. Аналогии основаны на высказываниях и идеях бывшего министра иностранных дел и лидера Партии справедливости и развития Ахмета Давутоглу, неоднократно называвшего современное турецкое общество «новыми османами» [7]. Учитывая властные позиции, можно сказать, что данная концепция является основой идеологии, предлагаемой правящей партией и действующим президентом Турции.

Практическая реализация политики «неоосманизма» заключается в политике институциализации постосманского пространства (по аналогии с постсоветским). Предполагается, что все страны, когда-либо входившие в состав Османской империи, являются зоной исключительных интересов Турецкой республики, а в более широком понимании – и весь средиземноморский регион [10]. Именно следствие данной политике служит активная интервенция Турции в политические процессы в Сирии и Ливии, наращивание военного и политического присутствия в Ираке, попытки поддержки оппозиционных сил в Египте.

Подобная политика не могла не повлиять и на базовые политические институты, в особенности партийную систему и парламентаризм в целом. Отмечается, что важным результатом выборов 2011 года стало оформления базового электората основных политических партий [11]. Так, несмотря на утвердившуюся гегемонию партии справедливости и развития, были сформированы так называемые «политические гетто» или «опорные пункты» [12]. Это означает формирование определенных территорий, стабильно поддерживающих собственные партии. Например, светский электорат крупных городов поддерживал кемалистскую народно-республиканскую партию, курды, заза и иные меньшинства собственные партийные проекты (например, Демократическую партию народов), а наиболее радикальные турецкие националисты и представители туркоманов – партию националистического движения. Данные тенденции лишь укрепились в ходе дальнейших электоральный кампаний.

Однако взгляды самого Реджепа Тайипа Эрдогана в этом отношении несколько раз претерпевали изменения. Изначально его позиция выстраивалась на платформе умеренного исламизма, связанного с учением идеолога турецкого гуманитарного воздействия Фетхуллаха Гюлена. «Когда ПСР шла на свои первые выборы, она обещала реализовать именно те положения, о которых говорилось в наставлениях Гюлена» [4]. Союз двух политических сил укреплялся и за счет того, что обеим платформам активно противодействовала армия.

Ключевым в этом отношении стал муниципальный электоральный цикл 2014 года, окончательно оформивший триумф Эрдогана и партии справедливости и развития. На данных выборах партия получила наивысший результат по количеству контролируемых территорий, впоследствии эффект был, не без эксцессов, закреплен парламентскими выборами в ноябре 2015 года. Именно тогда в общественном сознании сформировался концепт «правящей партии», а в глазах населения она обрела стойкую ассоциацию с экономическим ростом [11].

Впоследствии взгляды на исламизацию турецкого государства у Партии справедливости и развития и сторонников Гюлена, объединенных движением «Хизмет», радикально разошлись. Это произошло не только из-за того, что Эрдоган и его окружение стали самостоятельной ведущей политической силой, способной сломить охранительную роль армии, но и ввиду различий в причинах, по которым продвигалась религиозная повестка. Если последователи Фетхуллаха Гюлена считали религию залогом преображения страны и ее превращения в новую империю, призванную стать колыбелью тюркизма и ислама, то для политической элиты это является способом реше-

ния утилитарных проблем и механизмом легитимации собственной политической власти [13].

Показательным завершением сотрудничества умеренных исламистов из ПСР и сторонников Гюлена стало обвинение последних в организации попытки государственного переворота в 2016 году. Сам неудачный переворот напоминал попытку военных сместить действующую власть в пользу более умеренных сил – сторонников республиканского наследия Ататюрка. Виновными же были объявлены именно участники движения «Хизмет», в отношении лидеров которых были заведены уголовные дела, а контролируемые учреждения подверглись нападкам со стороны государства.

Результатом неудавшейся попытки переворота стало укрепление властных позиций Эрдогана и его виденья исламизации страны. Две значимые эвристические альтернативы: ататюркисты из Республиканской народной партии и сторонники Селахаттина Демирташа, в частности агрегирующие повестку национальных меньшинств, в основном – курдов, из Демократической партии народов потерпели уверенное поражение на выборах, а после неудавшегося переворота практически утратили политический вес.

Также переворот послужил отправной точкой для конституционного референдума 2017 года, когда были внесены значимые поправки в Конституцию. В частности, основные новеллы следующие: переход к президентской форме правления, отмена право интерпелляции парламентариев в отношении исполнительной власти, отмена избирательных прав для военных и учащихся в военных вузах, запрет военных судов, реформа судебной системы, отказ от практики делегированного законодательства.

Данная конституционная реформа была подвергнута критике со стороны Венецианской комиссии. В частности, отмечалось отсутствие публичного обсуждения конкретных поправок, факт разработки основного документа в период действия чрезвычайного положения, чрезмерные полномочия президента (в т.ч. возможность не избираемых вице-президентов исполнять функции главы государства), чрезмерная юридическая силу указов Президента, фактически равная законам, слишком широкие возможности для роспуска парламента, ослабление судебного контроля за исполнительной властью и ее фактическое подчинение суда последней [14]. На основании этого был сделан вывод о неэффективности системы сдержек и противовесов, что приведет к установлению в Турции авторитарного правления.

Если говорить о функциональной стороне вопроса, то фактически речь идет о переходе из неэффективного режима премьер-президентского правления к режиму суперпрезидентской республики [15]. Это коренным образом меняет значение и роль политических институтов в стране, формирую отдельную президентскую ветвь власти и подчинение ей исполнительной и судебной. При этом, у парламента остаются различные способы влияния на президента, в том числе возможность импичмента, досрочной отставки и преодоления президентского вето на законопроекты.

Из этого можно заключить, что фактический баланс сил будет завесить от партийного расклада в парламенте и партийной принадлежности глав основных муниципалитетов. В этом контексте большое влияние оказали муниципальные выборы 2019 года, в ходе которых правящая партия проиграла ряд значимых муниципалитетов, в том числе Стамбул, Анкару, Измир и Анталью. Муниципальное управление практически всего востока страны также оказалось в оппозиции к главе государства.

На это последовала многовекторная реакция. Результаты выборов в Стамбуле, где про-властным кандидатом был бывший глава правительства Турции, ближайший соратник Эрдогана и лидер партии справедливости и развития Бинали Йылдырым, попытались оспорить. Повторные выборы привели к еще более уверенной победе оппозиционного кандидата, выдвинутого блоком «Альянс Нации» (союз Республиканской народной партии и Хорошей партии) и падению рейтинга партии справедливости и развития в исторической столице.

Следующим шагом последовало судебное отстранение ряда мэров городов восточных провинций страны за сотрудничество с террористическими организациями, в частности – с рабочей партией Курдистана. За этим последовала попытка инкорпорации победителей в правящую партию, так как это были, в основе своей, локальные лидеры общественного мнения, исполь-

зующие оппозиционные партии как предвыборную платформу и не имеющие с ними стойких связей. Так в состав правящей партии влились пять победителей муниципальных выборов от оппозиции. Что, однако, не изменило в корне территориальный партийный баланс сил, отражающий системные проблемы и недовольство правящей партией среди определенных слоев населения.

Это делает особенно актуальны вопрос о будущих векторах политической модернизации в современной Турции и ее институциональном выражении. Характер конкретного политического развития, так или иначе, будет зависеть от дальнейшего развития партийной системы, в связи с тем, что несмотря на автократичные тенденции, страна имеет богатый опыт артикуляции демократических институтов.

В этом отношении, многие зарубежные исследовательские центры останавливаются на четком ряде сценариев. Так, эксперты предполагали четыре основных варианта развития: «Ориентированность ПСР на ЕС», «ползучая исламизация», «судебное закрытие ПСР» и «военное вмешательство». [3, 91] Как показала практика, последние два сценария не будут реализованы в краткосрочной перспективе. Монополия на политическую власть Партией справедливости и развития распространяется и на судебные инстанции, окончательно зачищенные в конце 2016 – начале 2017 года, что не создает никаких правовых перспектив ограничения деятельности. Попытка же военного вмешательства была подавлена, военные не смогли на высоком уровне скоординировать свои действия, не определили четких политических лидеров восстания и не были готовы к сильному противодействию со стороны гражданского населения.

Оставшиеся два сценария, однако, имеют право на существование. Несмотря на возросшие региональные амбиции, в отличие от сторонников Гюлена, официальные лица ПСР не декларируют окончательный разрыв с Европейским Союзом и сохраняют ориентацию на вступление в организации в долгосрочной перспективе, хотя актуальность данной повестки в политическом дискурсе крайне невысока. Осуществление же «ползучей исламизации» происходит на сегодняшний день. Последовательная актуализация Турции в качестве одного из лидеров исламского мира и повышение роли религии в общественно-политической жизни является залогом сохранения власти за сторонниками Эрдогана.

Отечественный академический дискурс дополняет данный сценарный подход иным взглядом на ситуацию. В частности, одна из точек зрения предполагает анализ дальнейших векторов развития исходя из сложившегося баланса сил. Так отмечается, что в Турции являются актуальными только четыре партии, имеющие идеологическую платформу и базовый электорат [16]. К таким партиям относятся: Народно-республиканская партия, Демократическая партия народов, Партия справедливости и развития, Партия народного движения.

Соответственно данной типологизации, выделяются два основных паттерна, определяющих политическое развитие Турции [17]. Первый предполагает, что данные партии представляют собой не отдельные политические силы, а два самостоятельных ядра, правое и левое, противостоящих друг другу. Так левое ядро составляют левоцентристская Народно-республиканская партия (кемалисты и социал-демократы) и левая Демократическая партия народов (социал-демократы, представители меньшинств. Правое ядро составляют правоцентристская Партия справедливости и развития (консервативные демократы) и правая Партия народного движения (национал-патриоты, пантюркисты).

Второй паттерн предполагает, что с 1950 года и по настоящее время только правому ядру удавалось сформировать устойчивое абсолютное большинство в парламенте и обеспечить стабильную работу законотворческого процесса. Соответственно, конкретный пулл партий, составляющий данные ядра может быть изменен, но нет структурных предпосылок для того, чтобы у власти находилось не правое ядро. При этом, ключевой партией в ее рамках не обязательно должна быть Партия справедливости и развития.

В этом отношении наиболее перспективными изменениями будет скорее не какая-либо электоральная революция, а переформатирование партийных брендов. Фактически, данный процесс уже запущен. В 2017 году создан новый партийный проект в рамках левого ядра – Хорошая партия (iyi parti) во главе с Мераль Акшенер. Не-

смотря на идеологическую близость националистам, основным политическим сторонником партии являются именно кемалисты. В конце 2019 года была создана Партия будущего (gelecek partisi) во главе с бывшим идеологом Партии справедливости и развития и ближайшим сторонником Эрдогана, занимавшим пост министра иностранных дел и главы правительства, Ахметом Давутоглу. О поддержке партии заявило ряд видных политиков страны, среди которых Абдуллах Гюль и Али Бабаджан. Также партия активно работает с лидерами меньшинств, так как в руководящем составе присутствуют курды, армяне и туркоманы.

Данная партия выступает за возвращение к парламентскому правлению, введению образования на национальных языках, а также обширную программу внешнеполитических и внешнеэкономических связей. В том числе, Российская Федерация называется в числе основных партнеров. При этом, она выступает с происламских позиций и артикулирует повестку неоосманизма (Давутоглу является ее автором и архитектором всей внешней политики Турецкой республики). Это говорит о ее нахождении в рамках правого ядра, более того – совпадение повестки с базовым электоратом Эрдогана. В связи с этим можно говорить о том, что перспективные направления политического развития в стране будут выстраиваться не в рамках воли одного человека, а, все же, как результат баланса сил в рамках партийной системы. Более точный прогноз ситуации можно будет сделать в 2023 году, когда в стране пройдут одновременно как президентские, так и парламентские выборы.

Таким образом, Турция претерпела глубокую институциональную трансформацию в рамках современного этапа политической модернизации.

Во-первых, на смену турецкому национализму пришла универсалистская политика исламского космополитизма.

Во-вторых, произведены попытки институционально закрепить неоосманскую политику в виде конструирования так называемого постосманского пространства, в рамках которого Турция имеет исключительные интересы.

В-третьих, конституционная реформа привела к смене государственного режима: премьерско-президентское правление уступило место суперпрезидентской республике.

Дальнейший вектор политической модернизации будет выстраиваться согласно партийному балансу сил и взаимоотношениями между правым и левым ядром партий, который может в корне измениться в 2023 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеев В. М., Саруханян С. Н. Модернизация и политический ислам в Турции // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2012. № 4 (67). С. 134-151.

2. Исаков А.С. Политическая модернизация в странах исламского Востока: концептуальный генезис // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. № 1. С. 79–92.

3. Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey. Santa-Monica: RAND, 2008.

4. Надеин-Раевский В.А. Идейная борьба и «новая Турция» // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2 (47). С. 22-31.

5. Keyman E.F. The AK Party: dominant party, new Turkey and polarization // Insight Turkey. 2014. Vol. 2. N 2. P. 19–31.

6. Шлыков П.В. Национальная модель демократии и гражданского общества в Турции: динамика и основные детерминанты // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 241-256.

7. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия // Свободная мысль. 2014. № 3 (1645). С. 71-78.

8. Yeşiltaş M. The Transformation of the Geopolitical Vision in Turkish Foreign Policy // Turkish Studies. 2013. Vol. 14 No. 4. P. 661-687.

9. Çelenk A.A. Public Diplomacy and Foreign Policy Making: The Turkish Case // International Journal of Turcologia. 2015. No. 10. P. 25-44.

10. Sözen A.A. Paradigm Shift in Turkish Foreign Policy: Transition and Challenges // Turkish Studies. 2010. Vol. 11. No. 1. P. 103-123.

11. Çarkolu A. Turkey's 2011 general elections: towards a dominant party system? // Insight Turkey.2011. Vol. 13. No. 3. P. 43–62.

12. Ete H. The 2014 local elections in Turkey: a victory for identity politics // Insight Turkey. 2014. Vol. 2. No. 2. P. 111–128.

13. Замов Э.А. Два пути политической мысли современной Турции // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2016. №1 (149). С. 74-80.

14. Лебедева Я.И. Правовой анализ заключения Венецианской комиссии на проект изменений, вносимых в Конституцию Турецкой республики // Журнал зарубежного законодательного и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 156-163.

15. Харитонова О.Г. Кризисная эволюция турецкой политической системы // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2018. № 3 (90). С. 181-205.

16. Галкина Е.В., Хасанов Р.Ш. Идеологическое измерение партийно-политического пространства современной Турции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 6 (36). С. 38-46.

17. Хасанов Р.Ш. Стабильность и изменения в партийной системе Турецкой республики // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 8. С. 31-34.

POLITICAL MODERNIZATION IN MODERN TURKEY: INSTITUTIONAL DIMENSION

A.S. Isacov
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT:
Purpose. To analyze the current state of political modernization in modern Turkey and its impact on the main political institutions.
Methods. To achieve this goal, the author uses a combination of political science methods, both systemic and institutional, also referring to the description of the functional significance of political institutions, especially political parties and the party system. The article describes the history of the issue, which reveals the project nature of political modernization. The main qualitative changes that have occurred in the political system, as well as changes in the constitutional foundations of public administration, are analyzed.
Results. In the course of the work, a number of intermediate conclusions are made. First, about changing the ideological grounds of modern Turkey's existence and the planned "soft" rejection of the Kemalist heritage. The current leadership of the Republic is represented by the Party of Justice and Development, which articulates the agenda of moderate Islamism, and is focused on refusing to build a secular state, using religion as an element of legitimizing the regime and strengthening foreign policy influence. The basis for their ideology is a reinterpretation of the historical experience of the Ottoman Empire. The importance of accompanying changes in the form of government and the functional role of the main actors in the political system are also emphasized, in particular, changes in the role and political status of the military. Two constitutional referenda were held in the country, which became possible as part of the country's Europeanization policy, but in the end they had different consequences for the political system.
Scientific novelty involves systematic consideration of the issue with the emphasis on the analysis of the changing functional role of the main political actors and institutions. The paper provides a forecast of future vectors of political modernization based on syncretic approaches of the Western and national analysts.

KEYWORDS:
Turkey, political modernization, Erdogan, Davutoglu, neo-osmanism.

AUTHORS' INFORMATION:
Alexander S. Isacov, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 March st., Ekaterinburg, 620144, Russia, as.isacov@gmail.com

FOR CITATION: Isacov A.S. Political modernization in modern Turkey: institutional dimension // Management Issues. 2019. №6 (61). P. 6—14.

REFERENCES

1. Sergeev V.M., Saruhanjan S.N. Modernization and political Islam in Turkey // Political analysis. Chronicle. Prognosis. 2012. No. 4 (67) P. 134-151. [Sergeev V.M., Saruhanjan S.N. Modernizacija i politicheskij islam v Turcii // Politija. Analiz. Hronika. Prognoz. 2012. № 4 (67). S. 134-151.] – (In Rus.)

2. Isacov A.S. Political modernization in Islamic East countries: conceptual genesis // Izvestia Ural federal university journal. Series 3. Social and political sciences. 2017. No. 1. P. 79-92. [Isacov A.S. Politicheskaja modernizacija v stranah islamskogo Vostoka: konceptual'nyj genezis // Izvestija Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Serija 3: Obshhestvennye nauki. 2017. № 1. S. 79–92.] – (In Rus.)

3. Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey. Santa-Monica: RAND, 2008.

4. Nadein-Raevskij V.A. Intentional struggle and «New Turkey» // Vestnik of MGIMO University. 2016. No. 2 (47). P. 22-31. [Nadein-Raevskij V.A. Idejnaja bor'ba i «novaja Turcija» // Vestnik MGIMO Universiteta. 2016. № 2 (47). S. 22-31.] – (In Rus.)

5. Keyman E.F. The AK Party: dominant party, new Turkey and polarization // Insight Turkey. 2014. Vol. 2. N 2. P. 19–31.

6. Shlykov P.V. National model of democracy and civil society in Turkey: dynamic and main determinants // Islam on Near and Middle East. 2015. No. 9. P. 241-256. [Shlykov P.V. Nacional'naja model' demokratii i grazhdanskogo obshhestva v Turcii: dinamika i osnovnye determinanty // Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke. 2015. № 9. S. 241-256.] – (In Rus.)

7. Avatkov V.A. Neo-ottomanism. Basic ideology and geostrategy // Free thought. 2014. No. 3 (1645). P. 71-78. [Avatkov V.A. Neoosmanizm. Bazovaja ideologema i geostrategija // Svobodnaja mysl'. 2014. № 3 (1645). S. 71-78.] – (In Rus.)

8. Yeşiltaş M. The Transformation of the Geopolitical Vision in Turkish Foreign Policy // Turkish Studies. 2013. Vol. 14 No. 4. P. 661-687.

9. Çelenk A.A. Public Diplomacy and Foreign Policy Making: The Turkish Case // International Journal of Turcologia. 2015. No. 10. P. 25-44.

10. Sözen A.A. Paradigm Shift in Turkish Foreign Policy: Transition and Challenges // Turkish Studies. 2010. Vol. 11. No. 1. P. 103-123.

11. Çarkolu A. Turkey's 2011 general elections: towards a dominant party system? // Insight Turkey.2011. Vol. 13. No. 3. P. 43–62.

12. Ete H. The 2014 local elections in Turkey: a victory for identity politics // Insight Turkey. 2014. Vol. 2. No. 2. P. 111–128.

13. Zamov Je.A. Two ways of political thought in modern Turkey // Izvestia Ural federal university journal. Series 3. Social and political sciences. 2016. No 1 (149). P. 74-80. [Zamov Je.A. Dva puti politicheskoj mysli sovremennoj Turcii // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3, Obshhestvennye nauki. 2016. №1 (149). S. 74-80.] – (In Rus.)

14. Lebedeva Ja.I. Legal analysis of the opinion of the Venice commission on the draft amendments to the constitution of the Turkish republic // Journal of Foreign Law and Comparative Law. 2017. No. 3 (64). P. 156-163. [Lebedeva Ja.I. Pravovoj analiz zakljuchenija Venecianskoj komissii na proekt izmenenij, vnosimyh v Konstituciju Tureckoj respubliki // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'nogo i sravnitel'nogo pravovedenija. 2017. № 3 (64). S. 156-163.] – (In Rus.)

15. Haritonova O.G. Crisis evolution of Turkish political system // Polity. Analysis. Chronicle. Prognosis. 2018. No. 3 (90). P. 181-205. [Haritonova O.G. Krizisnaja jevoljucija tureckoj politicheskoj sistemy // Politija. Analiz. Hronika. Prognoz. 2018. № 3 (90). S. 181-205.] – (In Rus.)

16. Galkina E.V., Hasanov R.Sh. Ideological dimension of party-political space in modern Turkey // Vestnik of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International relationships. 2015. No. 6 (36) P. 38-46. [Galkina E.V., Hasanov R.Sh. Ideologicheskoe izmerenie partijno-politicheskogo prostranstva sovremennoj Turcii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2015. № 6 (36). S. 38-46.] – (In Rus.)

17. Hasanov R.Sh. Stability and changes of party system in republic of Turkey // Society: politics, economy, law. 2017. No. 8. P. 31-34. [Hasanov R.Sh. Stabil'nost' i izmenenija v partijnoj sisteme Tureckoj respubliki // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2017. № 8. S. 31-34.] – (In Rus.)